

Лейла Милич

Гнездо

18+

Лейла Милич

Гнездо

<https://litres.ru/74102771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли стать нормальным после пережитого в детстве насилия? Снова и снова задается этим вопросом герой повести - Кот Симеон. Он ненавидит свою жизнь и все, что его окружает. В безопасности герой ощущает себя только в выдуманном им мире - в маяке на необитаемом острове.

Однажды Кот решает стать матросом и отправляется в путешествие в надежде найти то, чего был лишен в детстве. Постепенно, открывая новые места, принимая заботу и любовь от чужаков, и вновь переживая тот болезненный опыт, Симеон обретает долгожданный дом. А дружба, любовь и поддержка помогают простить себя и стать счастливым Котом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гнездо

Глава

Предисловие от автора

Дорогой друг, меня зовут Кот Симеон, я герой книги, которую ты держишь в руках.

Эту повесть я посвящаю тем, кто устал искать справедливость и правду, кто не видит смысла в своей жизни, кому невыносимо одиноко, но кто не готов сдаться. Неважно, сколько тебе лет, неважно в какой стране живешь — если тебе нужна поддержка или знак, что все наладится, то эта книга для тебя!

А пока я хочу, чтобы ты знал: как бы тяжело сейчас ни было, это пройдет. Я, Кот, говорю это, потому что знаю наверняка. На своей шкуре я испытал недетские трудности. Мне так и не удалось найти поддержку среди родных, однако я не смирился и не предал своё мятежное сердце.

А еще я верю, что у каждого Котёнка на земле должно быть счастливое детство. И порой достаточно, чтобы рядом был любящий и верный товарищ.

Моя история о невыносимом одиночестве, чувстве безысходности, страхах, разъедающих душу — и все-таки о надеж-

де, заботе, которую способен подарить посторонний; о жажде жизни, мечтах, и о любви, конечно.

Если ты готов, то на страницах «лапописи» тебя ждут увлекательные, трогательные, местами мрачные и невероятные приключения Кота. Или, как сказал бы мой добрый друг Боцман, — это история моего пути к себе.

И знай, что ты замечательный! До встречи...

Секрет

Есть у меня секрет, никто о нем не знает. Прекрасная тайна — сказочная фантазия. Однажды попробовав, я смог найти в ней покой. Первое время я осторожно следовал за своим воображением, сейчас же, спустя годы, я с упоением отдаюсь процессу в самые тягостные минуты своего существования.

В такие моменты я просто закрываю глаза и в полудреме представляю себе место: очень тихое, настолько тихое, что если наострую уши, то могу различить шелест дуба и тиса. Здесь спокойный морской воздух, и иногда, если захочу, до меня долетают крики гагарки, тупика или буревестника. Мой мокрый нос может уловить аромат, какой только пожелает. Порой там пахнет рыбой, сосной, водорослями, цветущим клевером и морской пеной, в другие дни – свежей травой, буревестником, скалами и оранжевым солнцем. Трава вокруг ослепительно изумрудная, как же люблю я нежиться в ней под игривыми лучами солнца. Здесь я сам себе кажусь красивее: серая шерсть лоснится на свету, будто я вымыл ее

самым дорогим шампунем, роскошные длинные усы закручиваются на концах, как у гусара, а белоснежные лапки и кожаные подушечки, мягкие, как у котёночка.

Мое секретное место — это опустелый остров. Добраться до него можно только по беспощадному океану. Птицы выют гнезда на скалах, а морские котики отдыхают на побережье после долгой дороги. В глубине острова — густой лес, там растёт дикий крыжовник и ежевика, а на утесе возвышается таинственный Маяк.

Если ты заглянешь со мной в эту заброшенную башню, то у входа увидишь молочного цвета колонны, гладкий и тёплый пол из каррарского мрамора¹, выложенный мозаикой в пастельных тонах. В жаркие дни я люблю развалиться на полу, прижавшись щекой к прохладной поверхности камня. Когда океан приносит на остров холодный ветер и мрамор ещё хранит тепло, я переживаю волнующие моменты, прикасаясь к мрамору подушечками своих лап. Если бы меня спросили, за что не жаль отдать с жизнью, я бы сказал не задумываясь, — за это касание.

Обожаю сквозной проход на первом этаже — здесь из центра зала я могу наблюдать, как с одной стороны на меня смотрит бесконечный океан, а с другой — манит густая чаща.

Следуй же за мной по винтовой лестнице, уходящей улит-

¹ Каррарский мрамор – это разновидность белого или серо-голубого мрамора, добывается в Апуанских Альпах на территории города Каррара в Тоскане (Италия). Считается одним из ценнейших сортов мрамора.

кой ввысь, и я покажу тебе верхнюю часть моего убежища! Ступени высокие, мне приходится хорошенько оттолкнуться лапами, чтобы допрыгнуть до следующей. Посмотри на эти металлические перила, в которых выкованы сцены из древних звериных мифов. Вот разбойник медведь Прокруст, он обманом заманивает невинных путников в свою проклятую берлогу и безжалостно, с упоением их калечит — когда я смотрю на этот рисунок, холодок пробегает у меня по спине и шерсть становится дыбом. Выше, выше по лестнице — лев Кронос поедает своих детенышей, которых ему смиренно подносит в лапах Рея. Хотел бы я не знать подобного материнского предательства. Ты только посмотри на следующую сцену, мороз по коже от застывшего ужаса в глазах антилопы Дафны, не сумевшей убежать от любви буйвола Аполлона. А дальше у меня перехватывает дыхание — смотри, в конце лестницы моя любимая Медуза Горгона, которую все считают чудовищем — а ведь она просто дикая кошка, которая пострадала от жестокости двух богов. Вот она, выкованная в железе, со змеями в голове, несчастная моя Горгона.

Между этажами притаилось еще одно сокровище - это миниатюрное окно-роза² в готическом стиле. Если ты заглянешь ко мне на восходе или закате дня, то увидишь, как свет рассеивается сквозь витражи и все тело Маяка утопает в изу-

² Окно – роза – это архитектурный элемент, характерный для готического стиля, особенно для соборов и храмов. Служило украшением здания не только снаружи, но и внутри, а также источником естественного света.

мрудном излучении.

А теперь подними голову. Там, на своде, под самым потолком смотрит на нас все та же Горгона. Видишь, она не чудовище! Она живая! Ее зеленые глаза блестят, сколько в них доброты! Влажный нос чуть вздернут, рот приоткрыт, едва уловимая усмешка застыла в мозаике на века. Змеи, окутавшие ее голову, покорно смотрят на свою хозяйку.

Выход на смотровую площадку я плотно заколотил, отсюда ты не увидишь мой холодный океан. Вот он, последний этаж, здесь я бережно храню источник света – лампу, которая не горит уже с сотню лет.

В этом Маяке есть глубокий Подвал. Спуск к нему совсем неприметный, о нем знаю только я. Тебе не стоит идти со мною вниз. Могу лишь сказать, что по неизвестным для меня причинам я вынужден спускаться туда в те тягостные дни, когда мечтаю испариться. В моем Подвале холодно и очень темно. Там такая густая и вязкая тьма, что если запустить в нее лапу, то можно ощутить кожей ее болезненную пустоту.

Спустившись по лестнице, я делаю шаг вправо и упираюсь лапами в сырую стену, вдоль нее иду вперед шесть шагов, потом становлюсь к стене спиной, еще два шага вперед к центру комнаты, там мои лапы натываются на огромный сундук из холодной коровьей кожи. Он мне достался от предков, семейная реликвия. Но я бы никогда не передал его своим детям. Когда-нибудь я найду способ избавиться от него навсегда. Ну а пока он здесь. И, прежде чем поднять

его крышку, мне надо собраться с духом. Каждый раз, стоя возле него, страх разъедает мне внутренности. Я знаю, что меня там ждет. Делаю глубокий вдох, чувствую, как пар идет из пасти, и одним резким движением откидываю тяжелую крышку этого гроба. Когда-то я поместил туда отвратительное чудовище, которое обнаружил в себе. Иногда я прихожу его покормить. Как же я не хочу этого делать, как же мечтаю забыть о нем навсегда! Но что-то заставляет меня спускаться сюда вновь и вновь, открывать этот проклятый сундук и сидеть часами наедине с чудовищем в невыносимом холоде и абсолютной темноте.

Знакомство

А что, если умирать совсем не страшно? Что, если в тот самый момент невозврата уже и боли нет... Нет ничего... кроме вечного сна и... одиночества? — опять задаю себе этот вопрос и перевожу взгляд с черной точки на стене на содержимое комнаты.

Заброшено. Пусто, несмотря на мебель, будто меня давно здесь нет. По низу тянет сквозняк. Всюду позорный слой пыли, смазанные отпечатки от моих лап. Железная кровать плюхнулась слева от окна, в углу напротив — ажурное кресло в стиле ампир, рядом с ним умывальник, серое полотенце обреченно висит на гвозде. По центру комнаты неестественно красуется стол с вышитой салфеткой — мамина работа. Старая скрипучая дверь с толстым слоем краски уже

забыла свой изначальный цвет. Под дверью огромная щель смотрит на меня с торчащими, мясистыми занозами, словно безобразная зубастая пасть. Так и манит сунуть лапу и резко дернуть, чтобы впились все разом.

Сидеть в кресле неудобно, плечи неестественно напряжены, конечности затекли, хочется их размять. Хотя нет, нормально, потерплю. Чувствую напряжение в теле и в мыслях – мои постоянные спутники, уже и не припомню иного. Битый час пялюсь в стену напротив. За окном потемнело. Пора спать. Жду, когда соседи за дверью перестанут греметь посудой. Дети наконец-то разбежались. Все еще слышу их голоса, но теперь приглушенно. Слава Кошачьим богам, разошлись! Тихонько пробираюсь в кухню, наспех съедаю две небольшие кильки, запиваю крепким, сладким чаем и иду умываться.

За последние два года самостоятельной жизни я сполна ощутил все прелести коммунальной системы. Чтобы не портить себе настроение в стычках на ровном месте с соседями, которым до всего на свете есть дело, пришлось разработать беспроегрешную стратегию общения. Чем, кстати, я очень горжусь. Я просто ложусь позже и встаю раньше остальных. Поэтому практически не вижу эти недовольные и угрюмые морды. Только слышу по вечерам, как жизнь кипит за стеной.

Сегодня открыл глаза за три минуты до того, как прозвенел будильник. Мог бы уже и не заводить его, тревож-

ные мысли — прекрасная альтернатива самому громкому будильнику, помогают окончательно проснуться и настроиться на день. Правда, если действительно не заведу, то не сомкну глаз из-за страха проспать и опоздать на работу.

Умылся, закинул в рот кусок безвкусного сала и ломтик пресного хлеба. Плетусь на трамвайную остановку, нет, скорее волоку свое тело к «работе мечты», как однажды выразился мой отец.

– Тебе предложили работу мечты, что тебе еще нужно от жизни? - укоризненно спросил он меня, когда я не проявил восторга насчет должности, о которой он похлопотал для меня без моего ведома.

Дорога до конторы занимает сорок минут. Небо приветствует меня раскатами грома. Будто смеется: «Ну что, слабак, и это по-твоему жизнь?!». Небеса темно-серые, с редкими просветами черных пятен. Закралась надежда: может сегодня обрушится проливной дождь такой силы, что смое все на своем пути? Как замороженный, всю дорогу пялюсь на матово-серое полотно, ощущая при этом необъяснимое возбуждение.

Стоило переступить порог канцелярии, как меня поглотила рутина рабочего дня. В воздухе парит запах кофе, смешиваясь со стойкими ароматами духов и кислыми нотами табака.

Периодически до ушей доносятся отрывки разговоров: коллеги жалуются на детей, на родителей, обсуждают мужей,

жен и, конечно, начальство. Как же я ненавижу эти сплетни! Каких усилий стоит мне не заорать в голос: «Заткнитесь! Уйдите все или закройте свои пасти! Зачем вы сюда пришли? Вот ты, в сером заштопанном костюме, не нравится жена – ради бога, разведись, уйди к любовнице! А ты рыжая, — ненавидишь его храп — да не терпи, так и скажи ему, почему он должен догадываться о том, что происходит в твоей пустой голове! И спи отдельно, в конце концов!». Но вместо этого я сижу с невозмутимой мордой, эдакий сфинкс³, образец умиротворения и благодати. Вот же клоун.

Я всегда предпочитал держаться в стороне от так называемого «коллектива» и быть как можно менее заметным. К слову, я прекрасно справлялся с этой задачей. Руководство ценило мои качества, ну еще бы, ведь я ни с кем не конфликтовал, не сплетничал, не опаздывал, не уходил раньше с рабочего места, не был инициативен и просто не умел отказываться от дополнительной нагрузки.

Бывало, в выходные дни я встречался с немногочисленными знакомыми. Они, как мне казалось, поддерживали во мне «дух социального существа». Иногда вместе мы слушали радио. Я наблюдал, как они обсуждают друг друга за спиной, смакуют подробности скандальных новостей, даже сам не гнушался поддакивать им в этих игрищах. Они зачем-то делились со мной личным, чем загоняли меня в тупик, ибо

³ Сфинкс – зооморфное мифическое существо. В древнем Египте – каменное изваяние лежащего льва с человеческой головой.

как вести себя в такие моменты и что говорить, я не имел понятия. Все, что от меня требовалось – это состроить морду поумнее и как можно вдумчивее молчать.

Мне нравилось казаться хорошим: я никогда не перебивал рассказчика, предоставлял возможность выговориться, был мягок и неболтлив, не имел привычки впускать кого-либо в душу, хотя никто особо и не пытался туда попасть. Уверен, они не догадывались, какими ценными качествами дружбы я обладал, при этом сам я постоянно недоумевал, почему они продолжают со мной общаться. У меня не было желания сблизиться с кем-то по-настоящему и всегда было тревожно среди других.

По пятницам иногда мы посещали суаре⁴, в выходные меня звали играть в футбол и городки⁵. Я чувствовал себя лишним всегда и везде. Как-будто был уродливой пятой лапой, неуместно торчавшей оттуда, где ее быть не должно.

В остальное время я читал. Мне нравилось состояние после прочтения хорошей книги, когда я оставался под таким сильным впечатлением, что мог по несколько дней только и думать о том, что накануне узнал. Это отвлекало от реальности. Особенно чтение было спасением в те ночи, когда приходила бессонница. Тогда я читал до рассвета, пока не засы-

⁴ В XIX и начале XX веков суаре могло означать любое вечернее мероприятие с танцами, фуршетом и разговорами.

⁵ Городки – старинная русская народная спортивная игра. В ней нужно с определенных расстояний «выбивать» метанием биты различные фигуры, сложенные из деревянных цилиндров.

пал в обнимку с книгой на пару часов и после, совершенно разбитый, ехал в контору.

Где-то очень глубоко внутри меня сидела тяга к творчеству, которая периодически рвалась наружу. Бывали дни, когда мне отчаянно хотелось рисовать или писать стихи, при этом я ужасно стыдился того, что в итоге получалось. Я всегда поспешно прятал или уничтожал свои работы, чтобы, не дай бог, кто-то не обнаружил их и увидел в них меня. Но спустя время я непременно доставал краски и начинал вновь писать. Когда я творил, то испытывал постыдные чувства: радость, восторг и возможность быть собой. Я беззаветно любил то, чем занимался, и оттого казался сам себе бесконечным.

Изредка я встречался с родными, эти сборы носили символический характер. Радости и теплоты от встреч не было, скорее наоборот. Я считал своей обязанностью навещать родителей, а если долго этого не делал, то чувство вины не заставляло себя ждать.

Еще с детства я усвоил важный урок: если хочешь заслужить любовь — будь послушным и удобным. Поэтому я старательно и беспрекословно выполнял советы и наставления родителей, даже когда не был согласен с ними. Я также хорошо знал, что не должен расстраивать маму, ведь сколько ее помнил, у нее всегда были проблемы со здоровьем, о чем родные не уставали мне напоминать. В те редкие моменты, когда я пытался говорить открыто о своих чувствах и мыс-

лях, меня наказывали ледяным молчанием и безразличием.

Будучи котенком, я не знал, как справляться со своими эмоциями: обычно я забивался в самый темный угол, где слезы от обиды душили меня, ненависть оглушала, а грусть и вина затягивали туда, откуда я не мог выбраться в одиночку. В такие дни мне хотелось, чтобы меня никогда не было. Постепенно, благодаря примеру родителей, у меня получилось неплохо адаптироваться. Я как будто смирился с жестокостью и несправедливостью, и научился воспринимать жизнь отстраненно, стараясь не обращать внимание на свои и чужие переживания.

Пока я вырослел, часто попадал в ситуации, выход из которых найти мне не представлялось возможным. Помню, как-то милая незнакомка на улице попыталась завязать со мной разговор, я тогда был подростком. Как же я разволновался, ты бы видел! Я так и не смог выдавить из себя ни слова, просто молча убежал от нее. Какой позор! А когда я стоял в очереди за колбасой или заходил на почту, то обязательно находил грубиян, который цеплял именно меня из всей толпы, так еще и умудрялся облить грязью с ног до головы, совершенно беспочвенно. А что я? Стоял, как воды в пасть набрав! Я понятия не имел, как надо повести себя Коту в такой ситуации. Все силы уходили на то, чтобы сдержаться и не разрыдаться от обиды в присутствии посторонних. Страх парализовывал меня. После каждого такого случая я ночами прокручивал эти болезненные ситуации в голове, придумы-

вая остроты этим гадам, ставил на место одним словом нерадивого грубияна, и, конечно, выглядел очень воинствующе в своих глазах. Самое обидное, мне не хватало ума сделать какие-то выводы и повлиять на то, чтобы подобное никогда не повторялось со мной вновь. В итоге, все сводилось к тому, что я уговаривал себя, что все не так уж плохо, все обязательно разрешится, в конце концов, может, это я что-то не так понял и никто не хотел меня обижать... а вот уж в следующий раз я им точно покажу, каждый получит по заслугам, они все еще пожалеют, что связались со мной!

Что еще нужно знать тебе обо мне? В остальном я был обычным кёнигсбергским Котом. Вырос в большой, порядочной семье, своевременно окончил гимназию, получил среднее образование, по несчастливой случайности — должность канцеляриста, имел знакомых и не имел никакого интереса к жизни.

Мне часто в детстве говорили небезразличные коты, кем мне стоит быть и чем заниматься, какую профессию выбрать, с кем лучше дружить, а с кем не связываться. Я был послушным котенком, поэтому поначалу прислушивался к мнению и советам других. Спустя годы я набрался смелости признаться себе, что никакого удовольствия от исполнения чужих желаний во благо себе не получаю и иду по ложному пути. Понимание это еще больше озлобило меня. Я решил, что был одурачен, но время ушло, делать уже было нечего. Может, все само собой разрешится хоть в этот раз... Как ду-

маешь?

Неожиданная встреча

Опять. Бессонница. После безуспешных попыток очистить голову от мусора и провалиться в сон, я наконец-то решаю встать с кровати. До начала рабочего дня еще несколько часов. Завтракать не хочу. Умылся, собрался и пошел на трамвайную остановку. Совершенно истощен: лапы кажутся свинцовыми, в пасти неприятный привкус, как во время болезни. Утренняя свежесть помогла мне немного очнуться. В такую рань довольно быстро добрался до места. До работы полно времени.

На углу здания горит свет из окон, открыта столовая, куда обычно заходят студенты. Подошел поближе. Через окно я увидел компанию за столиком, те ребята явно еще не ложились спать после веселой ночи. Они вели себя шумно: смеялись, что-то оживленно обсуждали с работниками столовки, которые охотно поддерживали разговор, пока мыли полы и протирали столы. Наблюдая с улицы за неопрятным Псом, лохматым рыжим Котом и, кажется, Хорьком, я тщетно проигрывал в борьбе с соблазном зайти внутрь и послушать, над чем таким они там смеются. От них веяло чем-то... другим.

Как только я переступил порог, в нос тут же ударило едкое облако запахов из тушеной капусты, супов, вареных овощей, мяса, свежей выпечки и пареной рыбы. Я взял поднос,

поставил на него стакан черного чая и порцию сливок, тихонько присел за свободный стол возле шумных ребят. При-знаюсь, что никогда не был большим охотником до чужих разговоров, но я чувствовал, что этот случай особенный. По-этому, повернувшись в пол оборота к компании, наострив свои маленькие ушки, я стал нагло слушать.

— Когда этот гигантский монстр проплывал вровень с нами, вся команда молилась, чтобы чудовищу не пришло в голову пробить носом корпус судна! – рассказывал Рыжий Кот. — У нас бы не было ни единого шанса на спасение! Даже если эта тварь по каким-то причинам решила бы нас всех не жрать, насытив брюхо половиной команды, как думаете, сколько у нас осталось бы времени до того, как мы начали корчиться в предсмертной агонии, умирая от холода, в ледяных водах Северной Атлантики? — будто спрашивал он у аудитории. Ответа не последовало. На лицах слушателей я читал ужас и возбуждение.

До чего же этот Рыжий был хорош! Его бабка-баронесса наверняка была мейн-куном, а каковы усы!.. Левый глаз у него был подбит и заметно припух нос, чему ни он, ни его товарищи не предавали никакого значения. Пушистая рыжая морда с большими белыми клыками пылала здоровьем и молодостью.

— Ощущение, будто по воде плышет каменная глыба, сошедшая со скалы, – глядя куда-то в сторону, задумчиво, почти шепотом говорил Рыжий.

— Клянусь своими усами, эта рыбина видела самих динозавров! – после небольшой паузы и будто очнувшись ото сна, воскликнул он, чем сильно напугал молоденькую официантку.

Я же чувствовал, как волосы на коже зашевелились, зрачки расширились, дыхание замерло, инстинкты обострились. Воображение рисовало монстра, словно с другой планеты, живущего в недрах темных и ледяных вод Гренландии, встреча с которым может стоить жизни морякам. Тогда я готов был, не задумывая отдать одну из своих — за шанс увидеть эту акулу.

Рыжий собрал вокруг столика весь персонал столовой, который напрочь забыл о своих обязанностях. Все до единого были поглощены его животной харизмой. В ответ на эту невероятную историю юркий серый Хорек в черном бушлате и бескозырке из темно-зеленого сукна, воспользовавшись паузой Кота, завел свою шарманку:

— А мне как-то довелось плавать на спине дельфина по Средиземному морю! И знаете, что скажу я вам, эти ребята милейшие создания, дружелюбнее я не встречал существ! – торопливо пробормотал он.

— Группа дельфинов, резвясь, плыла перед нашим парусником, когда тот задел риф – продолжил Хорек совсем в другом ритме. — На судне начался жуткий аврал, это была моя первая неделя матросом. В суете и по своей глупости, я упал за борт, – выпучив глаза выдал он. – А плавать-то я не умел.

Молоденькая официантка, сидевшая с краю столика, лапой прикрыла вырвавшийся сценический «АХ!», видно так испугавшись за Хорька.

— Никто, кроме дельфинов, этого не заметил, – улыбаясь глазами ее реакции, продолжил Хорек. — Они мигом окружили меня и помогли взобраться на спину к одному из сородичей. Пока команда корабля была занята устранением небольшой течи и ждала подмоги с соседнего судна, дельфины обучили меня уверенно держаться на воде и плавать в стиле «баттерфляй»⁶, а вдобавок познакомили со всеми членами стаи. В какой-то степени я теперь тоже дельфин, по крайней мере, плаваю не хуже своих новых братьев и сестер, – гордо заверил присутствующих счастливо спасенный.

«Вот же заливает!» – подумал я. Однако за этими увлекательными и живыми рассказами я совсем потерял счет времени, мой рабочий день уже давно начался. Как же не хотелось расставаться с этими новыми эмоциями, которые обрушились на меня таким неожиданным образом.

Из всей этой шумной компании больше всего привлек мое внимание Пес, который за все время не проронил ни слова. Лишь изредка он дружелюбно вилял хвостом и кивал головой в знак согласия, когда его товарищи наперебой рассказывали о себе. Это был трехцветный голубоглазый сенбернар, я тогда подумал — добряк от головы до кончика хвоста.

⁶ Стиль плавания на животе, в котором левая и правая части тела двигаются симметрично и синхронно .

Выглядел он старше остальных, его старый желтый свитер пестрел заплатками и торчащими отовсюду нитями. Периодически Пес покуривал трубку из красного дерева, которую не выпускал из лап. Остальные участники застолья называли его «Боцманом»⁷.

Когда моряки засобирались уходить, какая-то неведомая сила подхватила меня и рывком подбросила к сенбернару.

– Доброго утра, уважаемый, – сказал я. – Возьми меня к себе на судно матросом. Пес оглядел меня бесхитростным взглядом:

– Как тебя зовут, друг? – мягким голосом спросил он.

– Симеон.

– Симеон, когда ты готов приступить к работе? – мне почему-то было спокойно возле этого большого и неопрятного Пса.

– Сейчас, – не колеблясь, ответил я.

– Ну, дружок, сегодня у нас выходной, но твой настрой мне нравится. Приходи завтра к шести утра в порт с вещами, если не передумаешь. Завтра мы уходим. Вообще эта работа непростая, тебе будет нелегко, особенно первое время. Но если ты готов трудиться и дружишь с головой, то быстро всему научишься. Судно называется «Комета». Пришварто-

⁷ Боцман – должность младшего командного состава экипажа судна, непосредственный начальник палубной команды.

вались мы на дальнем причале.

– Я приду, – и я крепко пожал его большую мохнатую лапу, через спутанную шерсть почувствовав его мозолистые подушечки. Должно быть, этим лапам много чего пришлось повидать.

Оттуда я напрямиком пошел в контору. Сказал управляющему, что неизлечимо болен и сегодня же отправляюсь на воды — такова моя последняя воля. Никому из коллег я ничего не объяснил. Мне захотелось пойти до дома пешком: надо было попрощаться с Кёнигсбергом. С тем самым городом, в котором за столько лет я так и не смог найти себе места и стать своим. Тогда я понятия не имел, буду ли скучать по нему, вспоминать, сравнивать...

Лапы повели меня в западную часть, на самую окраину, в Амалиенау⁸. Гулять там всегда мне доставляло большое удовольствие, особенно в начале осени. Нечто магически успокаивающее витало здесь в эту пору. Район отличался от основной части города роскошными виллами и особняками. Эти здания были щедро украшены пестрящими орнаментами с растительностью, насекомыми и животными. Формы и линии лепнины были плавные и четкие. Могучие извилистые деревья наклонившись, охраняли небольшие частные виллы, и казалось, будто гуляешь по живописному саду сре-

⁸ Район Амалиенау в начале XX века находился на западе Кенигсберга и был западным предместьем города. Название получил от дворянского имения, которому ранее принадлежала эта территория.

ди прусских домиков из красного кирпича. Когда я неспешно ступал по дороге, то сквозь тишину эхом разносился нежный шелест сухих листьев, щебет птиц долетал до моих ушей с разных сторон, ветер игриво бегал по макушкам деревьев, совсем рядом из кирхи доносился медовый звон колоколов – все это меня умиротворяло, и сам момент казался особенным. Должно быть, я тогда выглядел совсем глупо со своей блаженной улыбкой на мечтательной морде. Само небо благословляло меня в путь.

Знакомым я отправил несколько телеграмм о том, что уезжаю в путешествие. Зашел к родителям попрощаться. На новость, что завтра я ухожу в море матросом, Папа Кот залился неподдельным смехом:

– Какой из тебя моряк? Да ты и недели не продержишься на корабле, – рассуждал голос, прятавшийся за страницами «Die Königsberger Hartung'sche Zeitung»⁹. — Для этого дела надо быть настоящим Кошаком!

Мама Кошка, должно быть, тоже приняла эту новость за шутку, потому никак на нее не отреагировала и пошла ставить чайник на плиту.

– Как идут дела в конторе? Что нового у госпожи Мяусовой? Часто вы общаетесь на службе? – раздался с кухни ее заинтересованный голосок.

Вот так я попрощался с родителями и с домом, в кото-

⁹ «Кёнигсбергская Гартунгская газета» – ежедневная газета, выходившая в Кёнигсберге в 1850- 1933 годах.

ром вырос, с домом, который не суждено мне будет увидеть вновь.

Прийдя на квартиру, я хотел выспаться перед дорогой и приготовить самое необходимое. С собой я возьму пару книг, вязаную шапку и один запасной комплект чистого белья.

Команда зверей — кочегары, машинисты, или Как не чокнуться в этом зверинце

Раньше назначенного времени пришел я в порт. Моросил мелкий дождь. Пристань была окутана плотным слоем тумана, поэтому большую часть пути я шел наугад. Когда сквозь мглу я наконец-то пробрался к «Комете», то сердце мое ожило и жалостно заклокотало. Корабль был огромный. Чуть постояв, окидывая взглядом судно вновь и вновь, я почувствовал восторг, а за ним и любопытство.

Однако, я осознавал, что со вчерашнего утра моя решительность подугасла. И злился на себя за слабость.

Помимо всего прочего я испытывал невыносимый холод, зубы непрерывно колотились, из пасти шел пар, шерсть и усы покрылись инеем. Какое-то время мне понадобилось, чтобы собраться с духом и взойти на трап.

Боцман стоял на палубе и раздавал указания матросам. Пес сразу узнал меня и очевидно был рад, что я пришел. Он провел меня на вторую пассажирскую палубу, показал мой

кубрик и сказал, что через пять минут будет ждать на верхней палубе с остальными.

В 5.45 корабль был готово к отшвартовке. Из судового радио прозвучал голос капитана:

– Баковым на бак, ютовым на ют, по местам стоять, со швартовых сниматься!

К судну подошли буксиры. Команда корабля заняла свои позиции.

Был поднят парадный трап, Боцман поручил мне закрепить его. В этот момент, неожиданно для себя я почувствовал, как судно пробудилось и плавно пошло. Я слегка пошатнулся. Двигатель загудел, раздался протяжно тифон, темная как нефть вода стала закипать за кормой. Туман, который никак не хотел рассеиваться, придавал моменту таинственности и толику грусти. Внезапно я почувствовал, как в области груди застонало.

– Что это? – подумал тогда я. – Неужели я не хочу оставлять все то, что мне так ненавистно? Как мама и папа могли так со мной проститься? - я ужасно злился на них.

Следом я почувствовал комок в животе, кишки словно скрутило, будто нечто инородное доставляло мне дискомфорт изнутри, почти боль. Несмотря на безжалостный холод, подушечки лап вспотели, внутри я весь горел. Это не сердце подавало сигналы о помощи, это был мой страх: животный, неистовый, пахучий страх перед неизведанным, новым. Он отчаянно вопил своему хозяину о том, что они совершают

ошибку, и пока не поздно, им лучше вернуться в свои привычные покои, пойти в привычную контору, вернуться к тому, что так знакомо и привычно.

«Зачем тебе понадобилось все ломать, у тебя все было, о большем мечтать нельзя! Надо быть благодарным судьбе за то, что она тебе дала! А как же твоя мама, какого неблагодарного сына она вырастила, что с ней станет? И это твоя плата родителям за все их жертвы? А как же твои друзья, они терпели тебя столько времени и это твоя им благодарность?» — не сдавался страх.

Чтобы уйти от этих мыслей, я решил всеми силами сконцентрироваться на работе, которой на пароходе хватало на всех с лихвой.

«Комета» представляла собой учебный пароход, где матросы проходили практику на кочегаров и машинистов. Судно было таким огромным, что принимало на борт до трехсот практикантов! Не удивительно, что на корабле легко было затеряться. Это был гигантский живой организм, который никогда не спал. Все его внутренности пульсировали в одном ритме, работая для общего блага — поддержания жизни корабля и его обитателей.

Судно состояло из трех палуб. Первая — для офицерского состава и преподавателей, там был буфет, кают-компания, великолепный рояль и множество портретов мореплавателей разных эпох. Вторая или, как еще ее называли, пас-

сажирская, предназначалась для курсантов и матросов, две столовые и камбуз тоже располагались там. Шлюпочная палуба была самой высокой на пароходе. А в самом низу судна — кочегарня с тремя паровыми котлами для обучения кочегаров.

Пароход произвел на меня невероятное впечатление! Это была гениальная машина, которую ничто не может потопить и вывести из строя!

Мой первый рабочий день был наполнен безжалостной сыростью Балтики, черной угольной пылью, едким запахом пота и - непрерывной дрожью в лапах от напряжения и усталости. Раскаленный жар слегка подпалил мои усы, зато кок наградил самым вкусным обедом за всю мою кошачью жизнь! Только к вечеру я вдруг осознал, что главное испытание ждет меня впереди. Кубрик 10¹⁰ на семерых. Это было крошечное помещение, с трудом представлял я, как семь матросов способны в нем разместиться, да еще и попытаться выспаться. В первую ночь я так и не смог уснуть: мысль о том, что посторонние тела находятся в такой удушающей близости от меня, сводила с ума. Еще одна такая ночь, и я лишусь рассудка еще до следующей остановки в порту.

Дни на пароходе были расписаны поминутно: ранний подъем, зарядка, завтрак, построение, совместные лекции с курсантами, практика в машинном отделении или в коче-

¹⁰ Кубрик (нидерл. Koeburg) – жилое помещение для команды корабля.

гарной, уборка каюты, обед, вахта, ремонт судна, аврал¹¹, ужин, отдых, отбой, и снова все по кругу. Мне была любопытна моя новая жизнь, и я почти ни с кем не общался.

Боцман, его звали Никола, и правда оказался добрым Псом. Стоит отметить, что вся команда корабля, включая капитана, относилась к нему с уважением, и часто шли к Боцману как за морским советом, так и в личных вопросах.

Когда погода была благосклонна к нам, морякам, я любил найти себе место на верхней палубе на самом носу судна и наблюдать путь по бесконечному морю. Жмурясь от солнца и удовольствия, когда пароход мчался на полном ходу вперед и ветер ободряюще обдувал мою морду. Клубы дыма возвышались над судном и оставляли за собой облачный след. Как же было приятно осознавать себя частью этого железного гиганта, знать, что и я приложил усилия своих лап для того, чтобы пароход шел, да так самонадеянно и дерзко, будто не существует в мире ни границ, ни суши!

Фантазии о моем острове помогали мне расслабляться и засыпать по ночам. Во сне я подымался на Маяк, гулял по лесу, ел ягоды прямо с веток, любовался закатами. В Подвал я теперь спускался не так часто. Не знаю, может у меня не оставалось сил на него. Утром я просыпался бодрым и отдохнувшим.

¹¹ Аврал на судне (англ. over all - «всё наверх») – спешная работа, выполняемая всем или почти всем экипажем.

Пиво, раки/бабы, ананасы

Из Кёнигсберга пароход держал курс до Данцига¹². Я никогда раньше не покидал пределы Восточной Пруссии. Не зная, что ждет меня впереди и ничего не загадывая, я решил вручить себя в руки случаю, судьбе, некому плану, замыслу вселенной – назови это как угодно, мой друг! Силою воли я зарубал любые зачатки мысли о благоприятном исходе моего будущего. Когда ужас от осознания того, на что я решился — сбежать в море! — подползал ко мне слишком близко, я гнал его, неистово размахивая машкой¹³ по палубе, пока тот не пропадал с горизонта. Я отчаянно хотел быть белоснежным листом бумаги на этом этапе своего пути.

С воодушевлением влюбленного поклонника, Никола рассказывал матросам, что нет судна быстрее и надежнее в Балтийском море и за его пределами. Так я узнал, что над архитектурным планом «Кометы» трудились лучшие умы Пруссии, Германии, Российской империи и Королевства Великобритания. При строительстве корабля использовали самые передовые технологии нашего двадцатого столетия. Судно могло развивать скорость до четырнадцати узлов¹⁴. А два бронзовых якоря отлили из колоколов Кирхи Лазденена¹⁵

¹² В 1308 - 1466 и 1793 - 1945 годах Гданьск носил название Данциг.

¹³ «Машка» – так в морском жаргоне называют специальную швабру для уборки верхней палубы на корабле.

¹⁴ Один морской узел равен одной морской миле в час, или 1,852 км/ч.

¹⁵ Кирха Лазденена (ныне православный храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла) – старинная лютеранская кирха, расположенная в городе

— жители города их подарили в знак веры в судоходное дело Прусского флота. Многие вызывались разнорабочими на стройку, кто-то собирал пожертвования на материалы: все хотели, чтобы слава о пароходе разошлась по всему миру!

С первых дней на пароходе Никола учил меня всему, что умел сам: отбивать склянки 16¹⁶ каждые полчаса, что первое время казалось мне очень даже забавным, чинить тросы, удалять воду из ватервейсов, ремонтировать лебедки и грузовые стрелы. А еще у нашего Боцмана была удивительная способность располагать к себе абсолютно любого — было ли дело в его доброй морде, в огромном ли сердце и его магическом свечении, я не знаю.

Весь недолгий путь до Данцига я старался не отставать от бывалых матросов и был внимателен к замечаниям. Я правда старался. Возможно, впервые в жизни у меня появилось мое личное желание что-то сделать хорошо. Правда, я отмечал, как по старой привычке мне порой хотелось обидеться на критику и уйти в себя, замкнуться, мол, не нравится, ну и делай сам, раз такой умный! Но я запретил себе это делать, зная, что этот привычный путь заведет меня в тупик.

В гавань мы зашли на рассвете, небо было на удивление светлое, мягкий туман стоял над водой. Я хотел уловить запах города. В воздухе толпились звуки, доносившиеся с бе-

Краснознаменск (ранее Лазденен) Калининградской области.

¹⁶ «Отбивать склянки» на морском жаргоне означает отмечать ударами в корабельный колокол получасовые промежутки времени.

рега и соседних кораблей, но нос мой не ощущал ничего характерного. Точнее сказать, мне хотелось уловить нечто особенное, что отличало бы этот порт от любого другого.

К полудню солнце уже освещало всю гавань, был конец октября, но казалось, что мы вернулись в лето. «Комета» встала на якорь до вечера, поэтому можно было немного расслабиться и согреться после промозглой дороги.

Команда корабля состояла из восемнадцати зверей экипажа и ста сорока семи матросов и кадетов. Я делил кубрик с шестью матросами, как уже упоминал ранее. Пришло время, мой дорогой читатель, познакомить тебя с ними.

Один тебе уже знаком: Рыжий, молодой Кот, мейн кун, это его тогда мы видели в студенческой столовой. После первого семестра в университете на филологическом факультете, он решил бросить институт и пойти в море искать вдохновение. Рыжий мечтал написать книгу, только понятия не имел, о чем она должна быть. Во время своей вахты он читал — от эпистолярного жанра до эпопеи, поглощал буквально все, что попадалось в печатном виде в его крепкие лапы. А еще он носил брюки с манжетами на подтяжках, которые чертовски ему шли. Он был очень красивым и статным Котом, даже в этих дурацких подтяжках! Я чувствовал, как завись жрет меня изнутри, когда смотрел на него, а его нарочитая небрежность просто добивала. Уверен, дамы этому «гаду», не давали прохода!

Впервые я полез на мачту с Рыжим. Старший помощник

капитана провел инструктаж для новичков. Из основного, что я успел запомнить, это что во время подъема на мачту и во время движения по вантам¹⁷ всегда надо сохранять три точки опоры, две передние лапы – одна задняя, или две задние – одна передняя. Задние лапы никогда не должны стоять на одной балясине¹⁸ — на случай, если она оторвется или сломается. Передние лапы всегда держать вертикально. Если вдруг резко закружится голова на высоте или просто станет страшно, то важно остановиться и пристегнуть страховочный пояс, ну или задействовать хвост, кто им не обделен.

– Если я кого-то из вас увижу пьяным на мачте, то сам выкину за борт! Или отправлю чистить чушки¹⁹, будете у меня черные как черти, – добавил старпом с хохотом.

Я был приятно удивлен, когда впервые подняться на тридцатиметровую высоту — оказалось, это проще простого. Без труда я залез на мачту с соблюдением всех рекомендаций и даже уговорил Рыжего подняться на самый верх. Хорошо помню, он тогда сказал:

— Только Кот может позволить себе сидеть на вершине мачты и любоваться красотой моря с высоты птичьего полета.

¹⁷ Ванты на корабле – это снасти стоячего такелажа, которые укрепляют мачты, стеньги и брам-стенги с бортов судна.

¹⁸ Балясина в морской терминологии – ступенька на вантах или у штурмтрапа.

¹⁹ В данном случае чугунные чушки, которые используются на кораблях в качестве твердого балласта.

Другой мой сосед по кубрику — Енот, бывший священник по прозвищу Пастор. У него была одна жуткая особенность. Жуткая, потому что меня никто не предупредил о ней. И в первую же ночь, хоть и не спал тогда, я выпрыгнул из кровати, вдруг услышав монотонный голос, который нараспев читает проповедь на латыни. Минут пять я пялился на него и тер глаза, пытаюсь понять, какого черта здесь происходит! В напряжении все ждал, когда из него полезут черти. Все остальные спали, и я был уверен, что спятил, рас вижу и слышу это один. Не зная, что предпринять, я потыкал его деревянной палкой, которая валялась под кроватью Рыжего. Он перевернулся на другой бок и захрапел. Утром, как только Пастор открыл глаза, я буквально набросился на него:

– Что это было? Я не спал из-за тебя всю ночь! – хотя, конечно, не спал я по другой причине, но все-таки.

– А, это... Надо было тебя предупредить, – зевнул он, расправляя лапами помятую, сонную морду.

– Ты не представляешь опасности для общества? – только когда выпалил, осознал глупость вопроса, но было уже поздно.

– Не паникуй ты так, – подключился Рыжий, – безобиднее души на пароходе ты не найдешь, чем наш Отец Фёдор. Он похлопал меня по плечу и пошел на зарядку.

За завтраком от Хвоста я узнал, что Пастор на семнадцатом году служения Богу стал атеистом. По каким причинам отрекся от церкви — никто не знал.

— А еще он перебирает четки лапками, когда волнуется или... когда врет, — понизив голос, добавила она.

Хвост была единственной девчонкой в нашем кубрике, да еще и Белкой. «Ну и хвост!» — подумал я, когда впервые ее увидел. У нее был роскошный, дерзкого красно-рыжего цвета хвостище. Она очень красиво рисовала акварелью, и вся стена над ее шконкой была увешена миниатюрными набросками, сделанные в разных местах. Хвост обожала готовить пасту, поэтому выращивала помидоры и базилик у себя под кроватью. А еще знала все о помидорах! Вот и в это утро, после сплетен о Пасторе, стала рассказывать о каком-то сорте помидор, семена которого планирует закупить на рынке Данцига. Пасту мы ели с ней почти каждый день. Стоит ли говорить, что через неделю я уже смотреть не мог на это блюдо. Мне нравилось наблюдать за Хвостом во время готовки, а если быть совсем честным, то я подглядывал, притворяясь, будто читаю книгу. Наблюдать открыто, да еще и болтать с девчонкой, для меня было чем-то из рода фантастики. Она всегда хорошо знала, что делает: с чем лучше сочетаются продукты, всегда точно чувствовала, до какой готовности надо довести макароны, даже не пробуя их на вкус. Хвост, Хорек и Дрозд были закадычными друзьями, как я позже понял. Эти трое всегда подшучивали друг над другом, хихикали, как дурачки, что ужасно раздражало меня в первое время.

А еще Хвост была помешана на морских узлах. Во время

перекура она частенько учила меня как это делать правильно, например «боцманский узел».

– Эта вещь тебе точно пригодится, – сказала она. — Вот смотри, — и быстро начала делать лапками что-то, на первый взгляд, непостижимое.

Это было похоже на колдовство. Через несколько секунд все было готово.

– Этот узел пригодится тебе при работах на высоте.

В другой раз она показала «беседочный узел».

– Он пригодится, когда ты окажешься за бортом, – сердобольно произнесла Белка. – Смотри, одной лапой ты будешь тянуть к себе канат, свободный конец ты обмотаешь вокруг туловища и той же лапой завяжешь этот узел. Вот видишь, все просто, – довольная собой, подытожила белка.

Мне совсем не хотелось представлять подобную ситуацию, но ее советами я не стал пренебрегать и старался запомнить все со второго-третьего раза.

Еще с нами жил Дрозд Тихий – тот еще фрукт! И откуда у него столько сил и энергии, каждый вечер думал я, глядя на него.

– Ну что, кто сегодня со мной в «верю-не-верю»²⁰? — доставая из ящика жестяную сокровищницу доверху набитую кубиками, стаканчиками, деревяшками, игральными картами и фотокарточками обнаженных девиц. — «Ну и

²⁰ «Верю-не-верю» – карточная игра, основной чертой которой является умение блефовать или разгадать обман соперников.

пошляк», — с пренебрежением думал я, впиваясь глазами в страницы книги, чтобы он вдруг не заметил мое презрение.

Судя по тому, как он каждое утро намазывал свой пробор пчелиным воском, а потом ворковал на камбузе с поварихами, было ясно, что Тихий был шалопай и слаб до дамского пола. А еще он любил плотничать, это мне уже Здоровяк рассказал в нашем кружке по вязанию. Все свободное время Тихий проводил в плотницкой, прямо бежал туда, как выдавалась свободная минута. Однажды, когда я проходил мимо, то не удержался и заглянул к нему, мне было интересно, что он там делает. Я застал его за тем, как он внимательно рассматривал и нежно ощупывал кусочек дерева.

– Тебе чего? – спросил он, растерявшись от того, что я застал его в интимный момент.

– Ничего. Стало интересно... что ты здесь делаешь, – сухо ответил я.

– Смотри, это мне передали из Цейлона, настоящий Красный Сандал, – он бережно вложил мне кусок дерева в лапы. – Он уникален. Он не гниет при контакте с водой. Чувствуешь, какая твердая плоть? А запах? – Мне понравилось то, как он говорил о дереве. С того момента я стал заглядывать в плотницкую почаще, когда мне хотелось что-то поделывать лапками и отвлечься от неприятных мыслей. У Дрозда я научился, как правильно подготавливать древесину к работе, как ее кроить, находить дефекты и их шпаклевать, как сушить дерево до необходимой влажности. Мое первое мнение

об этом пернатом было ошибочным, его отношение к плотницкому делу вызывало во мне уважение. Да и сам он уже не казался шалопаем, скорее... романтиком.

Другой мой сосед — ирландский волкодав Здоровяк, взрослый Пес родом из Шотландии, который подростком сбежал из дома и подался в матросы, с тех пор ходил по морям. Он был настоящим великаном с огромной головой, но при этом тощий, как скелет — из-за чего, видимо, часто сутулился. Шерсть его была вся в колтунах, и от него пахло углем и морем. Здоровяк явно был старше всех остальных в кубрике и частенько жаловался, как старик, на боли в зубах и суставах.

- Виски и шоколад прекрасно помогают при любой хвори, – философски наставлял он нас, потягивая свою анестезию. К слову, от шоколада все зубы его были черные — зрелище жутковатое, честно говоря, особенно когда он затягивал, широко разинув пасть, свои любимые шанти²¹, которых знал около сотни. Еще он очень гордился своей бородой, за формой которой тщательно ухаживал, не давая ей сильно зарастать.

Было еще кое-что: он любил вязать спицами. Первая вещь, связанная им много лет назад — тот самый желтый свитер Ботман. Никола всегда носил его в непогоду, хотя время изрядно успело потрепать подарок друга.

²¹ Шанти (от фр. chanter - «петь») – поджанр английской музыки, песни, которые пели британские моряки. Были распространены до начала XX века.

Ну и еще с нами жил Хорек, с которым ты, дорогой друг, уже знаком — это он в столовке рассказывал о своих приключениях с дельфинами. Могу по секрету добавить, что этот жулик приторговывает контрабандой. Под его матрасом всегда можно найти целый мир: от папирос до женских чулок. По молодости и глупости он любил подворовывать в портах, но когда Никола застал его «за делом», то весь вечер они с Хорьком беседовали, но вроде как это помогло ему больше не брать чужого. Мне же в нем нравилось больше всего то, как уверенность и отвага шли вразрез с его щуплым тельцем.

По вечерам он любил травить байки, остальным осточертело их слушать по сто раз, но я был новеньким, и этикет обязывал его рассказать, а меня — внимать. Как-то они с Рыжим принесли в публичный дом табака на крупную сумму:

– Стоим, значит мы, болтаем с девчонками, – рассказывал он, развалившись на шконке²² и ковыряя в зубах зубочисткой. — Тут подходят эти неприятные рожи. Стали спрашивали про товар: мол откуда, сколько, чего хотим за него, и даже торговаться не стали, – он удивленно вскинул брови вверх.

— Меня это насторожило, — продолжал он. — Один из типов протянул пухлый конверт с деньгами, сумка с табаком висела у меня на плече, я не спешил ее отдавать. Тут я резко бью того по лапе, конверт падает, а из него высыпается

²² «Шконка» на морском жаргоне – корабельная койка.

порезанная газета! Еще свежая, это я по дате понял! Мы с Рыжим рванули к выходу! Чудом нас не повязали, не думаю, что мы вернулись бы на судно. Ну точно не на своих лапах, — подытожил он многозначительно.

Я же по-прежнему держался ото всех в стороне. Мне было трудно поддержать обычный разговор. В такие моменты я ужасно нервничал, говорил невпопад и старался как можно поскорее разделаться с беседой, чтобы уползти куда-то в тень.

К вечеру мы пришвартовались. Бывалые моряки уже были готовы к ночной попойке и рейду по борделям.

Никола позвал меня со всеми в трактир. Мне было любопытно посмотреть, как развлекаются моряки. Когда я ступил лапами на землю, то еще какое-то время ощущал фантомную качку во всем теле. Удивительно, как ловко тело приспособливается к новому. Через полчаса на суше я и забыл, что провел двое суток в море.

Ночной порт напомнил мне улей: шумно, подвижно, каждый при деле, местами агрессивно, пахуче! Да, в ту ночь я познал его. Запах города во всех красках. Мы зашли в питейную у самой пристани. Там было еще больше шума и грязи. Матросы пили ром с пивом, спорили, ели мясо, пили водку, запивали джином, опять спорили. Периодически в разных частях трактира вспыхивали заварушки, но не перерас-

тали в серьезные драки: так, клоки шерсти летели в разные стороны, в основном сопровождаемые собачей и кошачьей бранью. Самые неприхотливые засыпали на грязном полу из смеси сена, блевотины и табака. Весь вечер я был наблюдателем, мне не хотелось напиваться, драться и рассуждать о смысле жизни. Мне быстро наскучило это пьяное веселье, пиво разморило мое и без того уставшее тело, от него только хотелось спать.

Разгоряченные свободой, разговорами и алкоголем самцы из трактира направились в ближайший бордель. Хотя мне было любопытно, я понимал, что недостаточно пьян, чтобы пойти со всеми дальше. Эта возможность вызывала у меня отвращение. Решив, что впечатлений на сегодня хватит, я пошел на причал. Попасть на судно не было возможности, надо было ждать утра и остальных. Я приглядел сухую и, к моему удивлению, чистую коробку, свернулся в ней калачиком и под постепенно угасающий гул уснул крепким сном.

Едва солнце выглянуло из-за горизонта, как до меня стали доноситься голоса торговцев. Я неспеша потянул передние лапы, выпустив когти, сладко зевнул и высунул морду посмотреть, что да как. Все выглядело так, будто порт и не засыпал. Единственная разница по сравнению с ночью — меньше пьяных матросов шаталось по пристани. Я вылез из коробки, как следует размял задние лапы, выгнул спину и вдохнул прохладный воздух полной грудью. Умыв морду кулачком и разгладив усы, я решил пройтись вдоль лавок. Бы-

ло интересно посмотреть, чем богат местный порт.

В первой же лавке добродушный хозяин угостил меня турецким сочным фиником размером с лапу Бодмана. До чего же он был сладок, нежная мякоть таяла во рту! Не скрывая восторга, я смаковал финик, прикрыв глаза и щедро мурча от удовольствия. Очевидно, выглядел я в тот момент уж очень эффектно, так как Еноты, проходящие мимо с чемоданами, остановились полюбоваться мной, а за одно и прикупить в дорогу тех самых фиников. Далее последовал пекан и сочная пахлава. Боже мой, я готов был поверить в существовании любых богов, пока поглощал нежнейшие слои теста, щедро пропитанные медом и орехами: мед тек по моему подбородку и лапам. Ох, как же я был рад, что начал завтрак с турецких сладостей!

– Первый покупатель угощается бесплатно! – бодро сказал хозяин лавки, от чего все угощения стали еще слаще.

Постепенно команда начала собираться у причала. Выглядели многие так, словно ими чистили гальюны²³. Рыжий опять пришел с подбитым глазом и опухшим носом. Есть и пить никто из подходивших не помышлял. Моряки морщили носы от пряных ароматов, тянувшихся со всех сторон. Когда команда меня обнаружила, я попивал свежесваренный индийский кофе со сливками, оттопырив мизинчик, как меня

²³ Гальюн на корабле – первоначально так называли свес на носу парусного судна, на котором устанавливались носовые украшения и отхожие места для экипажа.

учила мама, и читал местную новостную прессу. Мой вид изрядно позабавил ребят, а я в свою очередь, глядя на них, был рад, что ночью ограничился одной пинтой Гиннеса и пошел спать в коробку, а не искать приключения на свой хвост.

Чуть не забыл! Хорек и Пастор стояли в обнимку с ананасами, когда я их увидел.

– Участвовали в аукционном предложении? – спросил я бодрым голосом. Увы, мою выдающуюся шутку никто не оценил.

Остаток дня на корабле только и было разговоров о том, как прошла ночь на суше. Чего только стоила история из уст Здоровяка, как Тихий Дрозд в очередной раз сделал предложение куртизанке и опять получил отказ. Они с ребятами от души хохотали, смакуя подробности этой пикантной истории. Дрозд в это время стоял у зеркала и начесывал свой пробор с таким видом, будто речь шла овсе не о нем, хотя я видел, как румянец четко пробивается сквозь его белые перья. Под конец истории он выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.